

И. П. Кудреватых (Минск)

«ГРАММАТИКА АБСУРДА» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Художественное произведение характеризуется возможностью многочисленных интерпретаций, что является показателем, с одной стороны, его художественного достоинства, с другой – его культурной памяти. В этой связи Ю. М. Лотман отмечал, что «новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты. Чем больше новых истолкований, тем его художественное значение глубже и тем дольше его жизнь» [6, с. 90]. Семантика художественного текста и его частей как отношение содержания к средствам выражения – это сложное функционально-стилистическое единство с соответствующим набором текстовых категорий, определяющих его социальную значимость и устанавливающих осмысленное взаимоотношение между человеком и его языком.

Порождение смысла художественного произведения связано, прежде всего, с грамматико-стилистическими особенностями текста, в частности с использованием структурно-языковых средств на уровне аномативного словоупотребления, которое является показателем смыслообразования. Об этом хорошо говорит Р. А. Будагов: «... "сдвиги" в грамматике русского языка... тесно связаны со "сдвигами" в культуре общества, с огромными успехами отечественной художественной литературы, науки и т. д. В этом же плане движение самой грамматики определенной эпохи выступает как движение социальное. <...> В определенные эпохи грамматика может быть социально более показательна, чем лексика» [3, с. 48–49].

Информативность – одна из основных текстовых категорий. Закодированная по системе данного языка, информация в художественном тексте представлена в наиболее сложном и многоаспектном виде, т. к. художественный текст – это полисемантическая, полифункциональная и полиструктурная система, характеристики которой проявляются

именно в особенностях грамматической организации. Грамматическая аномалия, понимаемая как любое маркированное отклонение от принятых в определенном обществе грамматических и стилистических норм, имеет высокую социально-языковую информативность, направленную на установление взаимопонимания языкового сознания человека и тех социальных процессов, которые находят отражение в художественном произведении.

Ярким примером социализации грамматики может служить проза А. Платонова, «о которой с одинаковым успехом можно сказать, что она заводит русский язык в смысловой тупик или – что точнее – обнаруживает тупиковую философию в самом языке». И далее: «Платонов говорит о нации, "ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впавшем от него в грамматическую зависимость"» [2].

В качестве иллюстративного материала рассмотрим незавершенный роман «Счастливая Москва», который Ю. Нагибин назвал самым страшным детищем писателя: *В райвоенкомате пахло так же, как в местах длительного заключения – безжизненностью томящегося человеческого тела, сознательно ведущего себя скромно и экономично, чтобы не возбудить внутри себя замирающего влечения к удаленной жизни и не замучиться потом в тщетности, от тоски отчаяния. Равнодушная идеологичность убранства, сделанного по дешевому госбюджету, и незначительность служащих лиц обещали пришедшему человеку бесчувствие, происходящее от бедного или жестокого сердца.*

Расширяя образные ресурсы языка на основе осознанного нарушения функционально-семантических закономерностей использования языковых единиц, способствующих экспрессивизации речи, А. Платонов разрушает понятийные шаблоны, активизирует читательское восприятие за счет подтекстовой информации, создающей дополнительные окказиональные смыслы. Такой способ концептуализации мира, выраженный в форме языковой аномалии, – результат эстетического, «художественного» использования так называемой «грамматики абсурда», которая несет в себе большой заряд эстетической выразительности. Поэтому функциональная значимость языковых аномалий подтверждает значительный потенциал языковой системы в плане реализации ее системных закономерностей, с одной стороны, а с другой – ее творческих возможностей.

Языковые аномалии А. Платонова имеют коммуникативно-прагматический потенциал, они функционально целесообразны и эстетически значимы, т. к. напрямую связаны с художественной идеей произведения, являясь мощным средством тексто- и смыслообразования, например: *Перед нею, за изгородью, отделявшей спокойствие учреждения от людей, стоял посетитель с давно исхудавшим лицом, покрытым морщинами тоскливой жизни и скучными следами слабости и терпения; Вневойсковик постоял немного, а потом обрадовался, что его не задерживают, и скрылся в свое неизвестное жилище, чтобы просуществовать как-нибудь до гроба без учета и опасности; По ночам Самбкин долго не мог заснуть от воображения труда на советской земле, освещенного сейчас электричеством.*

Лексико-семантические и грамматические аномалии А. Платонова – это своего рода протест против навязывания определенного жизненного уклада и тех социально-идеологических сущностей, которые превращают человека в безропотное, равнодушное существо, например: *Внутри его [Сарториуса] тайно ото всех встретились и сочлелись два чувства: любовь к Москве Честновой и ожидание социализма; Под конец игры из глаз скрипача вышли слезы, – он истомился жить, и, главное, он прожил себя не по музыке, он не нашел своей ранней гибели под стеной несокрушимого врага, а стоит теперь живым и старым бедняком на безлюдном дворе жакта, с изможденным умом, в котором низко стелется последнее воображение о героическом мире.*

Таким образом, языковые аномалии – это картина мира писателя, своеобразный способ изображения действительности, на что указывают многие исследователи языка А. Платонова, считая аномалии результатом концептуализации мира его сознанием, т. е. языковые нарушения А. Платонова имеют мыслительную, ментальную природу [4, 5 и др.].

Ю. Д. Апресян выделяет две группы аномалий: «Во-первых, это авторские аномалии как явление текста (неважно, художественного, научного или обыденного); говорящие идут на них сознательно, чтобы добиться определенного эстетического или интеллектуального эффекта. Во-вторых, это результат экспериментальных манипуляций над единицами языка, производимых лингвистом с целью изучения свойств этих единиц и получения нового знания о языке. В этом случае аномалии используются как один из технических приемов экспе-

риментальной лингвистики» [1, с. 51]. Языковые аномалии А. Платонова – сознательные манипуляции с целью создания определенных эмоционально-эстетических впечатлений.

Языковые нарушения А. Платонова можно классифицировать по двум основаниям: 1) аномалии, связанные с нарушением валентностных характеристик, или семантические, и 2) аномалии, связанные с искажением грамматической формы, что создает впечатление «ущербности» грамматики, например: *Самбкин в долгом одиночестве гладил голое тело умершего, как самую священную социалистическую собственность, и горе **нагревалось** в нем, пустынное, не разрешимое никем; Они заранее строили себе рабочую родину, чтобы им было где приютиться на старости лет, чтобы дети их могли в конце концов убежать и спастись в холодной стране, **нагретой** дружбой и трудом.* Автор нарушает сочетательные возможности глагола *нагреть* (употр. вместо *согреть*), смешивая конкретный и отвлеченный планы, тем самым создавая комический эффект, пародируя советскую языковую практику того времени.

Подобные «аномалии мысли», как указывают И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер, связаны друг с другом и очевидным образом функционально нагружены. Например, «операции совмещения в процессе вербализации создают эффект многопланового, «стереоскопического» видения мира; другие операции, в некотором смысле противоположные совмещениям, ведут к избыточному выражению мысли, преодолевающему экономичность стандартных языковых средств, что создает эффект сопричастности формированию и оформлению смысла» [4, с. 138].

Противоречия, возникающие между лексической, грамматической и ассоциативной семантикой в произведениях А. Платонова, не порождают, однако, бессмысленности высказывания, скорее наоборот, способствуют повышенной информативности аномальных языковых явлений, выступая как тексто- и стилеобразующий фактор художественного повествования. При этом «возможны такие логические и коммуникативно-прагматические аномалии, – указывает Т. Б. Радбиль, – которые имеют лишь языковую форму манифестации, но не обязательно языковую природу. В свою очередь возможны и такие языковые аномалии, которые имеют вполне рациональную интерпретацию и/или прагматически допустимы» [7]. Интерпретация языковых аномалий А. Платонова – это манифестация значительного потенциала

языковой системы языка, способного расширять смысловой объем лексических, грамматических, словообразовательных и других единиц в художественно-прагматических целях, тем самым привлекая внимание читателя нестандартностью словоупотребления. «Не знаю ничего прекраснее, – писал Марк Тулий Цицерон, – чем умение силою слова приковывать к себе толпу слушателей, привлекать их расположение, направлять их волю куда хочешь и отвращать ее откуда хочешь». В. Бондаренко отмечает: «...это изумительный пример того, что может получиться у великого художника, когда он, демонстративно используя клише массового сознания своих современников и самые махровые штампы пропаганды, вдруг открывает для себя новый путь для высокого заблуждения, которым упорно пытается жить его душа» [8].

Таким образом, «грамматика абсурда» А. Платонова – это результат ассоциативно-прагматического потенциала языковых средств как отражение смысловой структуры художественного текста, характеризующихся непредсказуемостью и потому – актуальностью. Как только язык становится предсказуемым, он теряет свое основное свойство – быть средством коммуникации.

1. Апресян, Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции / Ю. Д. Апресян // *Reg Philologica*. – М. –Л.: Наука, 1990. – С. 50–71.

2. Бродский, И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова / И. Бродский [Электронный ресурс]. – 1973. – Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/BR_platonov.txt. – Дата доступа: 10.03.2014.

3. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Московского университета, 1976.

4. Кобозева, И. М. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. – М.: Наука, 1990. – С. 125–130.

5. Левин, Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) / Ю. И. Левин // *Семиотика и информатика*. – М., 1990. – Вып. 30.

6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / М. Ю. Лотман. – М.: Искусство, 1970.

7. Радбиль, Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие / Т. Б. Радбиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/t_b_radbil/yazykovyie_anomalii_v_hudojestenom_t_e/read_online.html?page=7.

8. Режим доступа: http://www.library.ru/2/lik/sections.php?a_uid=173/